

Случай психоневроза съ отраженіемъ литературныхъ образовъ въ бредовыхъ идеяхъ ¹⁾.

Н. Е. Осокинъ

Въ исторіи психіатріи можно найти достаточное количество примѣровъ отраженія на бредѣ и галлюцинаціяхъ у душевно-больныхъ различныхъ общественныхъ теченій, а также волнующихъ общество открытій, изобрѣтеній и идей. Такъ, въ рыцарскія времена сравнительно часто наблюдалось эротическое помѣшательство, въ эпоху крестовыхъ походовъ—случай религіознаго бреда; при Бонапартѣ, во время назначенія имъ королей, въ домахъ для умалишенныхъ появилось множество королей и королевъ, въ настоящее время у очень многихъ душевно-больныхъ въ Россіи, даже у слабоумныхъ, въ рядѣ ихъ бредовыхъ представленій фигурируютъ представленія, связанныя съ текущими событіями. Я наблюдалъ одного воспитанника средняго учебнаго заведенія, страдавшаго различными фобіями, которому одно время казалось, что всюду въ его комнатѣ находятся прокламація, что при прохожденіи по улицѣ онѣ сыплются изъ его кармановъ или, что онѣ кричалъ: „долой самодержавіе,“ вслѣдствіе чего развилось опасеніе быть арестованнымъ. Богатую пищу для болѣзненныхъ

¹⁾ Сообщено въ засѣданіи кружка имени Льебо въ г. Саратовѣ. 22 апрѣля 1908 г.

представленій психопатическихъ субъектовъ давало въ свое время изобрѣтеніе телеграфа, телефона, лучей Roentgen'a примѣненіе гипноза. Не могли, конечно, пройти безслѣдно въ этомъ смыслѣ и многія произведенія искусства нашего времени, въ особенности произведенія литературы, въ которой преобладаютъ сюжеты изъ сферы больной души, въ самой удивительной символической формѣ передаются настроенія и чувства, чаще всего до болѣзненности мрачныя. Какъ на типичнѣйшій случай такого рода психического заболѣванія, гдѣ содержаніе бредовыхъ представленій черпалось главнымъ образомъ изъ прочитаннаго, укажу на случай, наблюдавшійся мною въ частной лечебницѣ врачей Л. С. и Р. С. Перельманъ, при чемъ, мнѣ кажется, будетъ лучше, если вмѣсто обычной исторіи болѣзни, я позволю привести описаніе перенесеннаго моимъ паціентомъ душевнаго состоянія въ его собственномъ изложеніи, сдѣланномъ имъ нѣсколько времени спустя по выздоровленіи.

„Мой отецъ былъ очень нервнымъ человѣкомъ и при томъ страдалъ порокомъ сердца, умеръ 43 л. Дѣдъ по матери, хотя и былъ крѣпкимъ, здоровымъ человѣкомъ, но часто страдалъ запоемъ. Мать моя—сильная, здоровая женщина. Лишившись въ раннемъ дѣтствѣ отца, я росъ подъ вліяніемъ матери, простой и въ высшей степени религіозной женщины. Ея религіозность послѣ смерти отца еще болѣе усилилась. Мнѣ часто приходилось слышать отъ нея рассказы о загробной жизни, страшномъ судѣ, кончинѣ міра, приходѣ антихриста, о тѣхъ явленіяхъ, которыя будутъ предшествовать его появленію. Изъ всей семьи я былъ самымъ нервнымъ, впечатлительнымъ ребенкомъ и вышеупомянутые рассказы производили на меня очень сильное, гнеущее впечатлѣніе. Съ самаго ранняго дѣтства у меня не было крѣпкаго здороваго сна. Меня по нѣсколько разъ въ ночь мучили ужасныя сновидѣнія, заставляя въ ужасѣ вскакивать съ постели. Рассказы, слы-

шенные отъ матери и отъ другихъ, часто давали пищу для этихъ сновидѣній: мнѣ представлялись огненные моря, землетрясенія, страшный судъ и т. п. Я былъ крайне самолюбивый, гордый мальчикъ. Лѣтъ 12-ти со мной случилась неприятность въ школѣ: меня отослали домой за то, что я избилъ своего товарища; дорогой ожидаемое наказаніе дома и въ школѣ породило во мнѣ мысль покончить самоубійствомъ; „пойду въ лѣсъ“, разсуждалъ я, и „замерзну“, но потомъ измѣнилъ это рѣшеніе. Учился я всегда хорошо. Ученье мнѣ давалось легко. Въ дѣтствѣ много читалъ. Особенно нравились мнѣ произведенія Майнъ-Рида и Жюль-Верна. Половое чувство пробудилось очень рано. Лѣтъ 14-ти подъ вліяніемъ товарищей сталъ предаваться тайному пороку. По поступленіи въ семинарію, узнавъ о вредѣ этого порока, постепенно освободился отъ него. Лѣтъ съ 19 ти имѣлъ нормальныя отношенія съ женщинами. На 22-мъ году моей жизни одинъ неудачный актъ сношенія съ женщиной при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ породилъ во мнѣ мысль, что я страдаю половымъ разстройствомъ. Послѣ этого я 4 года не имѣлъ сношеній. На 26-мъ году сношенія возобновились, но большею частью были ненормальными. Съ вопросомъ о женитьбѣ я покончилъ окончательно въ отрицательномъ смыслѣ. Вдругъ неожиданнымъ образомъ на 30-мъ году у меня весной прошлаго года произошло объясненіе въ любви съ дѣвушкой. Это объясненіе послѣ страшно потрясло меня. Обдумывая создавшееся положеніе, я пришелъ къ такому рѣшенію: лѣтомъ полечусь; если же леченіе окажется неудачнымъ, то застрѣлюсь. Эта мысль меня временно успокоила. Немедленно я сообщилъ дѣвушкѣ, что я нервно-больной, выразилъ сомнѣніе, имѣю ли я право и возможность быть мужемъ и заявилъ, что наши отношенія могутъ опредѣлиться только послѣ моего совѣта съ врачомъ. Дѣвушка заподозрила меня въ неискренности. Начались слезы, упреки. Я совсѣмъ растерялся, чувствуя себя страшно виноватымъ. Приш-

лось выступить въ роли утешителя, по ея настоянію посѣщать ихъ домъ и фактически чуть ли не занять положеніе жениха. Такое положеніе продолжалось болѣе недѣли. Наконецъ я уѣхалъ на родину съ страшной тяжестью на душѣ. Прѣздомъ побывалъ у врача, послѣ совѣта съ которымъ убѣдился, что женитьба для меня пока невозможна. Въ это время попался мнѣ небольшой разсказъ подъ заглавіемъ „Пятна“. Содержаніе его было таково: одинъ врачъ изъ-за любимой женщины отказывается отъ общаго съ товарищами идейнаго дѣла, за которое послѣдніе въ скоромъ времени попадаютъ на каторгу. Врача начинаютъ мучить совѣсть, и онъ спивается. Онъ часто повторяетъ слова: „Да, жизнь хороша, пока на тебѣ нѣтъ пятенъ“. Эти слова произвели на меня сильное впечатлѣніе. Я сталъ говорить себѣ, что послѣ моего поступка на мнѣ появились пятна. Я теперь безчестный человѣкъ. Мой поступокъ съ дѣвушкой и ея родными сдѣлается извѣстнымъ моимъ знакомымъ и товарищамъ и вызоветъ у нихъ негодованіе и насмѣшки по моему адресу. Въ это время я рѣшилъ письменно окончателно объяснить съ дѣвушкой. Началась переписка въ высшей степени унижительная для моего самолюбія и достоинства, въ результатѣ которой я пришелъ въ заключенію, что послѣ такого позора жить нельзя. Мое состояніе все ухудшалось. Спать, просидѣть хотя минуту на одномъ мѣстѣ я уже не могъ. День и ночь все ходилъ взадъ и впередъ съ одной мыслью въ головѣ: „зачѣмъ я искалѣчилъ себѣ жизнь“. Выходилъ нѣсколько разъ встрѣчать поѣздъ съ намѣреніемъ броситься подъ него. Но въ рѣшительный моментъ отступалъ отъ этого намѣренія. Ужасное состояніе, испытываемое мною, заставило меня, наконецъ разсказать все роднымъ и одному изъ товарищей. Начались съ ихъ стороны уговоры, увѣщеванія, предложенія поѣхать полечиться. Уговоры эти облегченія мнѣ не доставляли; отъ поѣздки же для леченія меня останавливало то соображеніе, что отъ совѣсти не лечатъ. При размысленіяхъ о моемъ несчастіи меня однажды пора-

вила слѣдующая мысль: „героиня моего романа всегда предпочитала сѣрые костюмы. Это показалось мнѣ роковой примѣтой. „Нѣкто въ сѣромъ“ подумалъ я,—„воплощеніе моей роковой судьбы.“

Но испытанія мои еще не кончились. Въ концѣ лѣта призываетъ меня урядникъ и заявляетъ, что повѣсившаяся сегодня дѣвочка 14-ти лѣтъ оставила двѣ записки, въ которыхъ обвиняетъ Вася въ изнасилованіи. Я попросилъ показать мнѣ эти записки. Урядникъ полѣзъ въ карманъ, а потомъ отвѣтилъ, что у него ихъ здѣсь нѣтъ и при этомъ добавилъ: „знаете ли, я вызвалъ Вася по секрету, это останется между нами. Намъ самимъ хотѣлось бы поскорѣе развязаться съ этимъ трупомъ. Завтра будетъ медицинское вскрытіе.“ Наше объясненіе этимъ и кончилось. Больше въ допросу меня не призвали. Замѣшали меня въ это преступленіе слѣдующимъ образомъ:

У моей сестры—маленькая мастерская дамскаго платья. Въ числѣ ученицъ была упомянутая дѣвочка, перешедшая потомъ въ мастерскую въ другому лицу. Родители ея жили въ другомъ селѣ. Дѣвочка жила на квартирѣ у чужихъ людей. Эти люди содержали шинокъ, въ которомъ по ночамъ часто происходили ночныя оргіи. Говорили, что здѣсь часто бывали стоявшіе казаки. Въ одну изъ такихъ оргій дѣвочка была изнасилована и, вѣжета, даже повѣшена. Хозяйка квартиры на утро послѣ преступленія стала распространять слухъ, что я еще на Пасху изнасиловалъ эту дѣвочку. Въ результатѣ клеветы—мой разговоръ съ урядникомъ. Неожиданное обвиненіе въ такомъ гнусномъ преступленіи страшно поразило и меня, и моихъ родныхъ. Мысль о леченіи была оставлена, и я вынужденъ былъ ѣхать на мѣсто своей службы. Послѣ новаго удара надѣжды, что я останусь живъ, у меня совсѣмъ не осталось и я былъ убѣжденъ, что ѣду на смерть. По приѣздѣ на мѣсто службы у меня стала являться мысль, что я совершу страшное преступленіе: своимъ самоубійствомъ убью

свою мать, искалъчу другихъ родныхъ, опозорю всю семью, учебное заведеніе, въ которомъ служу, мое имя будетъ фигурировать на страницахъ черносотенныхъ газетъ, имъ воспользуются для агитаціи члены союза русскаго народа при выборахъ въ 3-ю Думу, такъ какъ мое самоубійство явится для многихъ людей неоспоримымъ доказательствомъ виновности въ приписываемомъ мнѣ преступленіи. Заниматься я не могъ. При полученіи жалованья у меня вдругъ блеснула мысль: „За что я получилъ деньги? Вѣдь заниматься я не могу, я скоро убью себя. Значитъ, сребреники я получилъ за то, что предалъ на позоръ и поруганіе то учебное заведеніе, въ которомъ служу. Значитъ я „Иуда.“

И представлялось мнѣ, какъ я брошу эти ненужныя мнѣ деньги и убью себя. Но потомъ мнѣ стало казаться что это имя не исчерпываетъ моей преступности: Иуда предалъ своего Учителя, но не убивалъ своей матери. И вдругъ мнѣ пришла мысль, что я антихристъ, о которомъ у насъ весною было много разговоровъ по поводу книги Морозова „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.“ Эта мысль и поразила и удивила меня. „Но вѣдь я русскій,“ говорилъ я себѣ „а антихристъ долженъ быть по Св. писанію еврей?“ Но это противорѣчіе моя мысль устранила слѣдующимъ образомъ: „Я убью себя, и мою душу помѣстятъ въ новорожденнаго еврейскаго мальчика“. Вскорѣ мнѣ попалась въ одной газетѣ передача содержанія произведенія Андреева „Елеазарь.“ Послѣ прочтенія этого произведенія я повѣрилъ въ загробные ужасы, припомнилъ рассказы, слышанные объ этомъ въ дѣтствѣ и цѣликомъ вернулся къ дѣтскимъ вѣрованіямъ. До моей же болѣзни въ религиозныхъ вопросахъ я держался свободныхъ взглядовъ.

Въ это время состоялся мой служебный переводъ въ другое мѣсто, задуманный еще лѣтомъ, съ цѣлью избѣжать тяжелыхъ для меня встрѣчъ съ дѣвушкой, которой я объяснился въ любви. Предстояло ѣхать по желѣзной дорогѣ, на которой 9-ть лѣтъ тому назадъ я былъ свидѣтелемъ само-

убійства одного пассажира. Это воспоминаніе послужило для меня зловѣщей примѣтой, и я никакъ не могъ выѣхать на мѣсто новой службы, гдѣ жили мои братья. Наконецъ по настоянію одного изъ товарищей, знавшаго мою любовную исторію, я сѣлъ въ поѣздъ, но послѣ 2-го звонка выскочилъ изъ вагона. Причина была слѣдующая: товарищъ, настаивая на моемъ отѣздѣ, указывалъ на то, что мнѣ среди родныхъ будетъ легче. Въ вагонѣ же мнѣ пришла такая мысль: „я ѣду на смерть; товарищъ подумаетъ, что выживалъ меня, будетъ мучиться этимъ всю жизнь, а потому я долженъ остаться до слѣдующаго поѣзда и успокоить его. Выскочивъ изъ вагона, я, напуганный грохотомъ отходившаго поѣзда задрожалъ. Товарищъ пришелъ въ ужасъ отъ моего поступка. На другой день отѣздъ мой состоялся. Дорогой я припомнилъ, по какимъ соображеніямъ выскочилъ изъ вагона, и вдругъ у меня явилась мысль, что своимъ самоубійствомъ я ѣду убивать братьевъ. Припомнилъ о томъ, какъ я задрожалъ, выскочивъ изъ вагона, вспомнилъ ужасъ на лицѣ товарища и рѣшилъ, что въ меня вошелъ сатана. Послѣ этого я еще болѣе укрѣпился въ мнѣніи, что я „Иуда“ и „Антихристъ.“ Окончательно же убѣдило меня въ этомъ чтеніе произв. Андреева „Иуда Искариотъ“ и „Искупленіе Св. Антонія“. Глядя на иконы, я все болѣе убѣждался, что я противникъ Христа. Заниматься я не могъ. Братья вскорѣ отправили меня въ лечебницу, гдѣ черезъ нѣсколько дней я пришелъ въ себя, получилъ увѣренность, что буду жить, и пересталъ считать себя преступникомъ.“

Сообщенныя данныя необходимо пополнить слѣдующимъ: больной хорошаго сложенія, двигательная сфера, чувствительность и внутренніе органы не представляютъ измѣненій. Пульсъ 80 ударовъ въ минуту. Кожа и слизистыя оболочки блѣдны. Въ лечебницѣ, куда больной поступилъ 10 октября 1907 г. первое время онъ оставался въ тяжеломъ удрученномъ состояніи, жаловался на тоску, плохо спалъ, былъ малоподвиженъ,

неразговорчивъ, вслѣдствіе чего о наличности у него бреда можно было только подозрѣвать. Назначено: ванны съ послѣдующими обливаніями, инъекціи мышьяка, общая франклинизация и внушеніе. Съ 20 октября состояніе его стало улучшаться: больной сталъ хорошо спать, интересоваться чтеніемъ, охотно вступалъ въ разговоръ и 7 ноября былъ выпи-санъ въ удовлетворительномъ состояніи.

Больной явился ко мнѣ еще разъ въ концѣ февраля на-стоящаго года, когда и составилъ по моей просьбѣ свою авто-биографію, изъ которой видно, что отъ депрессивнаго состоя-нія онъ совершенно избавился. Единственно, что заставило его обратиться ко мнѣ,—это возникающія по временамъ циничныя мысли при видѣ иконъ. Послѣ нѣсколькихъ сеансовъ гипнотерапіи, получивъ увѣреніе, что онъ въ состояніи по-бѣждать навязчивыя мысли, уѣхалъ къ себѣ домой.